

- world in the arts and humanities). Frankfurt/M, 1993. 403 p.
3. Heidegger M. *Sein und Zeit* (Being and time). Tuebingen, 1993. 445 p.
  4. Gadamer H.-G. *Wahrheit und Methode: Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik* (Truth and method: Bases of Philosophical Hermeneutics). Tuebingen, 1975. 495 p. (Russ. ed.: Gadamer Kh.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki*. Moscow, 1988. 704 p.).
  5. Lomako O. M. Genealogiya I sotsialnaya pamyat: metodologicheskii analiz (Genealogy and Social Memory: a Methodological Analysis). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2012. Vol. 12, iss. 3, pp. 24–27.
  6. Habermas J. *Erkenntnis und Interesse* (Knowledge and human interests). Frankfurt/M, 1994. 420 p.
  7. Wuchterl K. *Methoden der Gegenwartsphilosophie* (Methods of modern philosophy). Bern; Stuttgart, 1987. 338 p.
  8. Habermas J. *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln*. Frankfurt/ M, 1983. 208 p. (Russ. ed.: Khabermas Yu. *Moralnoe soznanie i kommunikativnoye deystviye*. St.-Petersburg, 2000. 390 p.).

УДК 1:36

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Пигалев Сергей Александрович – аспирант кафедры философии, Волгоградский государственный университет
E-mail: serge1403@mail.ru

В статье анализируется кризис идеологических принципов социального развития в контексте современного глобализирующегося мира. Предпринимается попытка выявить причины очевидного недовольства социальным развитием со стороны определенных философских течений. Обосновывается идея о том, что это недовольство является неизбежным последствием глобализации и связано с некоторыми социокультурными особенностями модерна. Последний рассматривается как внутренне напряженная система, развивающаяся экстенсивным путем за счет разрушения и поглощения иных социокультурных форм. Доказывается, что в ситуации, когда модерн становится всеобщим достоянием и культурные и национальные границы размываются, он теряет свой основной импульс к развитию. Описываются возможные последствия отказа от социального развития, предрасположенность к которому может быть обнаружена в современной интеллектуальной сфере.

Ключевые слова: глобализация, конец истории, модерн, постмодернизм, социальное развитие, традиционализм.

Долгое время одной из ключевых идей западной, а впоследствии и мировой интеллектуальной традиции была идея развития. Несмотря на то, что последняя гипотетически допускает широкий спектр трактовок, реальное влияние на умы оказала новоевропейская версия, являющаяся неотъемлемой частью проекта «модерн». Согласно этой версии, человечество находится в состоянии непрерывного, универсального прогрессивного движения, восходя от менее совершенного состояния к более совершенному. Специфический просвещенческий универсализм вкупе с отношением к новизне как к абсолютной ценности выразил, например, И. Г. Гердер: «Все на земле – изменение: никакие

разделения, никакая градуировка глобуса и карты не принимается в расчет <...> Несказанная мудрость не в том, что все так многообразно, но что все создано столь единообразно и в унисон» [1, с. 22].

Будучи, согласно новоевропейской интерпретации, неотменяемой природной данностью, развитие предполагает как непосредственный рост материального благосостояния, так и качественное изменение социальной реальности в соответствии с рациональными принципами. Последнее на деле означает отказ от традиционных коллективистских социальных структур в пользу секулярного индивидуализированного социума. Так понятая идея развития очень долго являлась определяющей в западной философской мысли, зачастую выступая оправданием для самых разных политических стратегий, включая, в частности, даже колониализм (пресловутое «бремя белых» Р. Киплинга). Нетрудно также заметить наличие своеобразного глобалистского пафоса, являющегося неотъемлемой частью описанной выше линии рассуждения. Это делает особенно любопытным изменение отношения к социальному развитию в современную эпоху, когда проект глобализации если не достиг успеха, то, по крайней мере, близок к этому. Действительно, понятие «развитие» по-прежнему является важной частью современной политической риторики. Тем не менее все большую популярность приобретают концепции, так или иначе либо переосмысляющие развитие, либо обосновывающие его полное прекращение.

Об этом говорит, например, английский исследователь Т. Парфитт (Т. Parfitt), подчеркивая, что мы имеем дело с дискурсом «постразвития», основанном на идее отказа от развития в силу его разрушительного характера [2, с. 5]. Данная констатация в краткой и радикальной форме выражает суть метаморфоз западной интеллектуальной традиции, которые, как представляется, начались довольно давно, однако стали очевидными лишь во второй половине XX в.

Необходимо отметить, что идея развития, особенно в новоевропейской интерпретации, всегда имела своих врагов (например, в лице романтизма), однако последние изначально играли роль своеобразной системной, а потому неопасной «оппозиции». Лишь относительно недавно ситуация начала меняться. Одним из первых симптомов такого изменения была, на наш взгляд, деятельность Римского клуба, в частности А. Печчеи, который на *политическом уровне* заявил о необходимости «обуздать» развитие, обосновав это наличием экологических угроз и ограниченностью ресурсов [3]. Экологический пафос и гуманистическая риторика были призваны, по сути, смягчить центральный мотив – предложение об образовании наднациональных структур, имеющих полномочия насильно ограничивать развитие «провинившихся» стран. Рассуждения Печчеи интересны исключительно как своеобразный маркер, свидетельствующий о смене курса в отношении к развитию. Вне зависимости от согласия либо несогласия с этими рассуждениями нельзя отрицать, что имел место отказ от фундаментальной западной веры в *универсальность* развития.

Экологическая линия, начатая Печчеи, была лишь «верхушкой айсберга», поскольку основывалась преимущественно на прагматической аргументации и не затрагивала идею развития на уровне философских оснований. Последнее – это удел так называемых концепций «конца истории». Речь идет отнюдь не только об известном тексте Ф. Фукуямы [4]. Представляется, что наряду с дискурсом «постразвития», о котором говорит Т. Парфитт, есть основания говорить о своеобразном «постисторическом» (или даже «антиисторическом») дискурсе. Этот дискурс включает в себя широкий спектр концепций и отдельных идей, зачастую противоречащих друг другу, но тем не менее объединенных одним общим настроением. Суть этого настроения в том, что история как сфера, в которой возникают, взаимодействуют и развиваются так называемые «большие смыслы», т.е. макросоциальные проекты развития, прекращает свое существование. На смену истории

приходит «постистория» – состояние, основной чертой которого является экзистенциальный и социальный покой.

Помимо текстов Фукуямы подобная идея может быть обнаружена в исследованиях постмодернистов, которые трактуют историю как источник социокультурного насилия и на этом основании отвергают ее. В частности, известно противопоставление Ж. Делезом и Ф. Гваттари исторического и «кочевого» принципов (при явных симпатиях в адрес второго) [5, с. 664–665].

С некоторыми оговорками можно утверждать, что отказ от описанного выше понимания истории налицо и в работах традиционалистов. Последние отбрасывают историю как иллюзию, навязанную авраамическими религиями, и противопоставляют динамике исторического творчества константность абсолютизированной Традиции (об антиисторической направленности традиционализма см., например, [6]).

Создается впечатление, что идея социального развития неожиданно «надоела» даже своим недавним апологетам. Представляется, что причины, сделавшие возможной эту ситуацию, кроются в специфике модерна.

С самого начала модерн формируется как проект, в основе которого лежит *импульс отрицания*. Об этом, на наш взгляд, говорит и В. А. Кутырев, рассуждая о присущей модерну «неомании», особом типе мировоззрения, согласно которому «любые сложившиеся системы существуют для того, чтобы, не успев изжить себя органически, скорее исчезнуть и замениться иными, новыми» [7, с. 22]. Идея новизны как абсолютной, безоговорочной ценности оказывается идеологическим оружием капиталистического класса в борьбе с коллективистскими формами организации средневекового общества. Поскольку последнее основано преимущественно на вне-рациональных, т.е. противоречащих рыночной ментальности формах социального поведения, оно должно быть отброшено как «застойное», «неразумное». В результате, как подчеркивает С. Б. Токарева, «эпоха модерна развивалась под знаком индивидуализации, и ее главным достижением стало формирование эффективных механизмов преодоления подчинения индивидуального общественному» [8, с. 115].

Даже такой известный апологет модерна, как Ю. Хабермас признает его «отрицательный» характер, подчеркивая, что сознание модерна «живет опытом бунта против всего нормативного и нейтрализует как доброе с точки зрения морали, так и полезное с точки зрения практики» [9]. А. Хеллер и вовсе же уверена, что суть модерна заключается в его чистой «отрицательности»: модерн, подчеркивает она, лишен основы, по-

скольку его фундаментальной чертой является деконструкция всех оснований [10, с. 1].

Возможно, это обстоятельство станет более понятным, если обратить внимание на тот факт, что общество модерна с самого начала задумывалось его творцами как общество с высокой степенью внутренней «напряженности». Его системообразующим принципом изначально являлась конкуренция, соперничество. Принципиальная разобщенность требовала жестких механизмов интеграции, о чем писали практически все классики модерна, начиная с Т. Гоббса с его идеей беспощадного государства-левиафана [11], ограничивающего «войну всех против всех». На наш взгляд, именно по этой причине основным мотивом модерна становится противостояние эгоцентричной частной воли и сдерживающих ее социокультурных макроструктур.

Показательно, что даже Г. В. Ф. Гегель признавал: для того, чтобы разрозненные социальные атомы «не укоренились и не укрепились в <...> изолировании, благодаря чему целое могло бы распасться и дух улетучился бы, правительство должно время от времени потрясать их посредством войн» [12, с. 241]. Иначе говоря, внутренняя напряженность, возникающая в конкурентной среде модерна, с необходимостью должна быть перенаправлена вовне, создав тем самым некоторый потенциал общественной солидарности.

Все это, однако, означает, что модерн – проект, который может реализовываться исключительно *экстенсивным* путем. Следовательно, модель социального развития, предложенная модерном, изначально предполагает наличие некоего внешнего Другого, который и должен быть подвергнут описанному выше «отрицанию». Иными словами, чтобы общество модерна развивалось, должны существовать иные, принципиально отличающиеся от него социокультурные формы, являющиеся потенциальным «топливом» для модернизации. Соответственно, в ситуации, когда модерн становится всеобщим достоянием (а именно это, с некоторыми оговорками, характерно для эпохи глобализации), он теряет свой основной импульс к развитию. В этой связи довольно показательным, что А. Кожев, один из главных теоретиков «конца истории», связывает наступление этого «конца» с возникновением так называемого «универсального гомогенного государства» [13]. Последнее оказывается пост-историческим именно в силу своего всеобщего и однородного характера.

Таким образом, глобализация, будучи целью новоевропейской модели социального развития, одновременно предстает тем фактором, который предельно проблематизирует и саму

эту модель, и идею истории как таковую. «Отрицание», лежащее в основе модерна, не имея больше соответствующего внешнего объекта, направляется против основ самого модерна, в том числе, против идеологических принципов социального развития. Эти принципы, разработанные однажды отцами-основателями модерна (гуманизм, исторический оптимизм и т.д.), в условиях глобализации теряют свою действенность, и развитие отбрасывается как излишняя и довольно-таки тягостная роскошь. Подчеркнем, что речь идет о процессах, происходящих преимущественно на уровне философских и идеологических оснований и не особенно очевидных на уровне практики. Вместе с тем представляется, что кризис оснований – это уже достаточный повод, чтобы присмотреться к сложившейся ситуации.

Ситуация, на наш взгляд, может развиваться в соответствии с несколькими сценариями. Во-первых, в условиях кризиса идеи развития могут предприниматься попытки искусственно сконструировать некоего нового Другого, существование которого может послужить поводом к продолжению развития. В роли последнего для массового сознания может выступить кто угодно, начиная от «мирового терроризма» (являющегося в определенной степени медийным порождением) и заканчивая вполне определенными государствами.

Во-вторых, для некоторых групп довольно соблазнительным может выглядеть полный отказ от социального развития с последующим обращением к архаике, но в грубой и «превращенной» форме. Примером этой тенденции является деятельность радикальных исламистских групп.

Наконец, в-третьих, идея развития может быть кардинальным образом переосмыслена – настолько, что такое переосмысление трудно отличить от деконструкции. Здесь, в первую очередь, следует упомянуть о таком крайне популярном интеллектуальном течении, как *трансгуманизм*. Используя агрессивную прогрессистскую лексику и ратуя за интенсивное социальное и технологическое развитие, трансгуманисты в то же время «расчеловечивают» самого человека, превращая его в пассивный объект в руках биотехнологов и транснациональных корпораций. «Трансгуманизм начинается с отказа от <...> запрета на технологические способы манипулирования сознанием и биосоциальной природой человека», – сообщает одна из статей на сайте Российского Трансгуманистического Движения [14]. В таком контексте развитие заменяется произвольной *игрой* с социальной реальностью и человеческой природой, превращаясь в симулякр.

Деконструкция идеи социального развития может также привести к ситуации, когда развитие сохраняется, однако ограничивается пределами небольших «островков» (имеющих, скорее, классовую, чем географическую природу). О возможности такого варианта развития событий говорят многие исследователи, начиная от В. Инземцева с его осторожными рассуждениями о «расколотой цивилизации» [15] и заканчивая социал-дарвинистами вроде глобалиста Ж. Аттали [16] и сторонников идеи так называемой «нетократии» [17].

Анализ сценариев, альтернативных описанным выше, не входит в задачи данного небольшого и предварительного исследования. Тем не менее уже сейчас представляется очевидным, что ни попытки «законсервировать» модерн, ни обращение к архаике, ни трансгуманистический сценарий, сопровождающийся процессами резкого социального расслоения, не могут быть адекватными способами решения проблемы.

В связи с этим весьма интересен вопрос о возможности модели социального развития, свободной от «негативистского» наследия модерна, которое в постмодернистскую эпоху не только не сходит на нет, но и доводится до абсурда. Есть некоторые основания считать, что имеется определенный смысл в обращении к коллективистской парадигме, противостоящей индивидуализму новоевропейской традиции. Это, однако, порождает новый пласт проблем, которые выходят за рамки статьи и требуют дальнейшего и более глубокого анализа.

Список литературы

1. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. 703 с.
2. Parfitt T. The end of development : Modernity, postmodernity and development. L., 2002. 177 p.
3. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980. 302 с.
4. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004. 588 с.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато : капитализм и шизофрения. М., 2010. 895 с.
6. Макаров А. И. Традиция против истории в философии современного европейского традиционализма // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 6. М., 2001. С. 275–283.
7. Кутырев В. А. Время Mortido // Вopr. философии. 2011. № 7. С. 19–28.
8. Токарева С. Б. Методология социального конструирования и социальный конструктивизм как методология // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 2. С. 113–118.
9. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект. URL:

http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Hab_Modern.php (дата обращения: 28.11.2013).

10. Heller A. The three logics of Modernity and the Double Bind of the Modern imagination. Budapest, 2000. 31 p.
11. Гоббс Т. Левиафан // Соч. : в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 3–545.
12. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа // Соч. : в 12 т. Т. IV. М., 1959. 440 с.
13. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб., 2003. 792 с.
14. Лукьянец В. С., Соболев О. Н. Проблема постчеловеческого будущего. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/10/18> (дата обращения: 27.11.2013).
15. Инземцев В. Л. Расколотая цивилизация. URL: <http://www.lib.ru/POLITOLOG/inomezew.txt> (дата обращения: 28.11.2013).
16. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М., 1993. 133 с.
17. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004. 252 с.

The Ideological Principles of Social Development in the Globalization Era

S. A. Pigalev

Volgograd State University

100, Universitetskiy Prospect, Volgograd, 400062, Russia

E-mail: serge1403@mail.ru

In the article a crisis of the idea of social development is analyzed. An attempt to reveal the reasons of specific philosophical currents' obvious discontent with social development is made. The idea that this discontent is an inevitable consequence of the globalization, connected with sociocultural characteristics of modernity, is proved. The latter is treated as a strained system, which is able to develop only in an extensive way through destruction and cooptation of other sociocultural entities. It is shown that modernity loses its development potential when it becomes universal, and cultural and national boundaries are diffused. The consequences of the rejection of social development, propensity for which can be noticed in modern intellectual domain, are examined.

Key words: globalization, end of history, modernity, postmodernism, social development, traditionalism.

References

1. Gerder I. G. Idei k filosofii istorii chelovechestva (Outline of a Philosophical History of Humanity). Moscow, 1977. 703 p.
2. Parfitt T. The end of development: *Modernity, postmodernity and development*. London, 2002. 177 p.
3. Peccei A. *The human quality*. Oxford; New York, 1977. 214 p. (Russ. ed.: Pechchei A. *Chelovecheskiye kachestva*. Moscow, 1980. 302 p.).
4. Fukuyama F. *The end of history and the last man*. New York, 1992. 418 p. (Russ. ed.: Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek*. Moscow, 2004. 588 p.).
5. Deleuze G., Guattari F. *Capitalisme et schizophrénie: Mille Plateaux*. Paris, 1980. 645 p. (Russ. ed.: Delez Zh.,

- Gvattari F. *Tsytyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya*. Moscow, 2010. 895 p.).
- Makarov A. I. Traditsiya protiv istorii v filosofii sovremennogo yevropeyskogo traditsionalizma (Tradition against history in contemporary philosophy of traditionalism). *Dialog so vremenem. Almanakh intellektualnoy istorii* (Dialog with time. The almanac of intellectual history), 2001, iss. 6, pp. 275–283.
  - Kutyrev V. A. *Vremya Mortido* (The Mortido time). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 2011, no. 7, pp. 19–28.
  - Tokareva S. B. Metodologiya sotsialnogo konstruirovaniya i sotsialnyy konstruktivizm kak metodologiya (The methodology of social construction and constructivism as methodology). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnyye tekhnologii* (The bulletin of Volgograd state university. Ser. 7. Philosophy. Sociology and social technologies), 2011, no. 2, pp. 113–118.
  - Khahermas Yu. *Modern – nezavershennyi proyekt* (Modernity, an Unfinished Project). Available at: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Hab_Modern.php (accessed 28 November 2013).
  - Heller A. *The three logics of Modernity and the Double Bind of the Modern imagination*. Budapest, 2000. 31 p.
  - Gobbs T. *Leviafan* (Leviathan). Works: in 2 vol. Moscow, 1991, vol. 2, pp. 3–545
  - Gegel G. V. F. *Fenomenologiya dukha* (Phenomenology of Spirit). Works: in 12 vol. Moscow, 1959, vol. 4. 440 p.
  - Kojev A. *Introduction a la lecture de Hegel*. Paris, 1980. 597 p. (Russ. ed.: Kozhev A. *Vvedeniye v cheniye Gege-lyu*. St.-Petersburg, 2003. 792 p.).
  - Lukyanets V. S., Sobol O. N. *Problema postchelo-vesheskogo budushchego* (The problem of posthuman future). Available at: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/10/18> (accessed 28 November 2013).
  - Inozemtsev V. L. *Raskolotaya tsivilizatsiya* (Severed civilization). Available at: <http://www.lib.ru/POLITOLOG/inozemzew.txt> (accessed 12 December 2013).
  - Attali J. *Millenium: winners and losers in the Coming world order*. New York, 1991. 132 p. (Russ. ed.: Attali Zh. *Na poroge novogo tysyacheletiya*. Moscow, 1991. 133 p.).
  - Bard A., Zoderkvist Ya. *Netokratiya. Novaya pravys-hchaya elita i zhizn posle kapitalizma* (Netocracy. The new power elite and life after capitalism). St.-Petersburg, 2004. 252 p.

УДК 2-18(470)

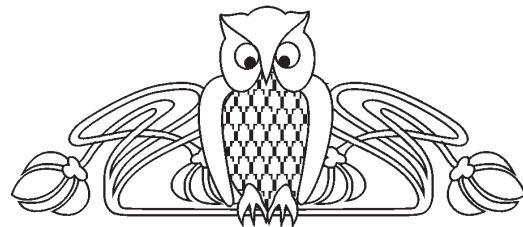
ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Позднева Светлана Павловна –

доктор философских наук,
профессор кафедры философии и методологии науки,
Саратовский государственный университет
E-mail: maslovrv@gmail.com

Маслов Роман Владимирович –

доктор философских наук,
профессор кафедры философии и методологии науки,
Саратовский государственный университет
E-mail: maslovrv@gmail.com

Статья посвящена проблеме человека в русской философии. Подчеркнута национальная особенность русской философии и указано, что центральное место в ней занимает проблема человека, осознано единство его душевной и телесной организации, рассмотрена проблема пола в противопоставлении западной философской культуре и в этой связи любовь обозначена как истинный «национальный феномен» русской философии. Выделяется «русская идея» патриотизма как философия «горящего» сердца и выявлены истинные ценности трактовки смысла жизни человека – служение добру, высоким нравственным целям. Также при рассмотрении человека как индивидуальности дана его оценка как космопланетарного феномена в русском космизме.

Ключевые слова: национальная особенность, «русская идея», душевная и телесная организация человека, смысл жизни, русский космизм.

Интерес к русскому философскому наследию в настоящее время закономерен, ибо в русской философии есть то, что волнует нашего современника – раздумья о судьбах России, ее духовных истоках, поисках и выборе нравственных и гражданских интересов, определяющих духовное становление личности. Русская философия включена в общее развитие мировой, но у нее есть свое поле проблем, свой угол зрения, свой собственный стиль философствования, свои национальные особенности.

Первая национальная особенность русской философии заключается в том, что если в немецкой философии сильны традиции рационализма, в английской – эмпиризма, то в